

— Совсем сдвинулся, — Е Цзиньюнь досадно поморщился, брезгливо отвернулся к стене и снова зажмурился.

Шэнь Гухань пару раз задумчиво постучал ручкой по столу и вдруг поднял руку:

— Учитель, я ничего не понял. Не могли бы вы повторить?

Стрёкот летних цикад и усыпляющий бубнеж с передних рядов будто оборвались на полуслове. Все взгляды тут же устремились на Гуханя. Все, кроме одного: учитель Хуан, классный руководитель девятого класса третьего года старшей школы, мгновенно пригвоздил взором сопящего по соседству Е Цзиньюня.

Щёлк!

Огрызок мела со снайперской точностью прилетел Цзиньюню прямо в макушку. Следом грохнул голос учителя Хуана:

— Е Цзиньюнь! Вот ты и объясни нашему новому ученику материал!

Цзиньюнь с великим трудом продрал глаза. Потирая заспанные веки, он косо взглянул на Шэнь Гуханя — тот сидел с довольной ухмылкой, внаглую наслаждаясь зрелищем. Ах ты гад, подставил-таки!

Е Цзиньюнь уставился на доску. Каждое слово по отдельности казалось знакомым, но вместе они складывались во что-то абсолютно невнятное. Древний вентилятор под потолком надрывно дребезжал, окончательно действуя на нервы.

— Не знаю я, — отрезал Цзиньюнь.

— Марш к стене! — Учитель Хуан даже одарить его взглядом не удостоил, будто заранее знал результат, и как ни в чём не бывало продолжил лекцию.

— Ну держись у меня, — злобно прошипел Цзиньюнь.

Но Гуханя этот свирепый взгляд лишь позабавил.

— Договорились, — с улыбкой отозвался он.

За окном снова застрекотали цикады. Е Цзиньюнь подпер плечом стену в коридоре и поджал

губы: спать стоя — удовольствие сомнительное, тем более когда тебя то и дело тормозят.

Вдруг солнечный свет, падающий из дверного проема, померк. Из класса кто-то вышел.

Шэнь Гухань в прекрасном расположении духа подошел к Е Цзиньюню, закрывая его своей тенью от палящих летних лучей.

— Ого! Возмездие не заставило себя ждать! — Завидев главного виновника своей ссылки, Цзиньюнь заметно повеселел. Злость как рукой сняло, уступив место чистому любопытству: — Тебя-то за что выгнали?

— Учитель спросил, понял ли я тему.

Гухань стоял, купаясь в ярком солнце. Густые смоляные волосы отливали шелковистым блеском, резко контрастируя с бледной, почти фарфоровой кожей, а бескровные тонкие губы придавали ему болезненный, хрупкий вид.

Цзиньюнь неожиданно поймал себя на мысли, что этот парень не так уж и раздражает.

— И что ты ответил?

Гухань чуть опустил голову и, помедлив, произнес:

— Сказал, что это сущий бред.

— Ха-ха-ха! — Цзиньюнь согнулся пополам от смеха. Вот уж не думал, что новенький окажется настолько отбитым.

— Е Цзиньюнь! Шэнь Гухань! Обоим остаться после уроков!

Громовой рык из кабинета напугал стайку воробьев за окном, а заодно мгновенно испарил улыбку с лица Е Цзиньюня.

— Слушай, а остаться после уроков — это так страшно? — с искренним недоумением спросил Гухань, разглядывая скривившуюся физиономию приятеля.

Ему и в запечатанных запретных землях сидеть приходилось — и ничего, выдерживал. Неужели это хуже?

— Братан, ты в школе вообще учился или как? — Цзиньюнь не стал спорить, а просто съехал по стене прямо на пол.

Гухань, так ничего и не поняв, уселся рядом:

— А при чем тут школа?

— Да всё, мне крышка. На той неделе уже предков вызывали. Если мать снова узнает — срежет карманные деньги под ноль. Хоть ложись и умирай, честное слово... — тихо закосепорил Цзиньюнь.

Видя его искреннюю досаду и слыша эти слова про «умирай», Гухань сам не заметил, как сжал его запястье, и твердо проговорил:

— Ты не умрешь.

Цзиньюнь от такого жеста аж вздрогнул и резко выдернул руку:

— Ты псих, что ли?!

Но Гухань лишь серьезно повторил:

— Не волнуйся. Я не дам тебе умереть.

Пока этот иллюзорный мир держится, да и после — он не позволит Е Цзиньюню так просто сгинуть. Едва встретив кого-то настолько интересного, Гухань не намеревался его терять.

— Ты дурак? Это фигура речи такая! Матушка во мне души не чает, пылинки сдувает!

Слишком серьезный вид новенького заставил Цзиньюня оправдываться. Парень тут же воспрянул духом и не упустил случая похвастаться своей семейной идиллией. Пусть он и сидел в тени, вся его фигура лучилась задорной энергией, а в глазах плясали дерзкие огоньки.

У Шэнь Гуханя от этой картины неожиданно потеплело на душе, и он тихо улыбнулся.

— Я про свою мать рассказываю, ты-то чего лыбишься? — Цзиньюнь, словно жадный ребенок, не желал ни с кем делиться семейным теплом.

— Просто ты очень забавный, — мягко проговорил Гухань.

Е Цзиньюнь встретил его взгляд — темный, глубокий, в котором отражался только он один. Это было так похоже на девчоночьи глупости из любовных романов про «в моих глазах только ты».

— Пфе-е, — протянул юноша, отворачиваясь и демонстрируя лишь затылок. — Я всегда забавный.

«Девчонки со своими слюнями — полные дуры», — подумал он, чувствуя, как уши заливают румянцем.

— Наговорились? — Классный руководитель с тучей на лице вырос перед ними абсолютно бесшумно.

Цзиньюнь моментально вжал голову в плечи, изображая глубокое раскаяние. Наглости ему было не занимать, но против старика Хуана работала только тактика глухой обороны: молчи, и он быстрее отвяжется.

Но Шэнь Гухань подал голос с абсолютной безмятежностью:

— Да нормально так поболтали.

Учитель Хуан аж поперхнулся от подобной дерзости. Он открыл было рот, но от возмущения не смог вымолвить ни слова.

Шесть глаз уставились друг на друга в немой дуэли.

Дзи-и-инь!

Гухань сориентировался мгновенно:

— Учитель, звонок. Урок окончен.

...

Глядя вслед разгневанному классному руководителю, побежавшему к телефону, Е Цзиньюнь мысленно зажег свечку за упокой храброго новенького. Впрочем, сам Гухань стоял ровно, без малейшего намека на испуг.

— Эй, тебе реально не страшно? Старик Хуан же предков вызовет!

— Предков? — переспросил Гухань.

— Ты что, даже про вызов родителей не слышал? Ты где учился вообще, в элитном пансионе? Не верю, с твоим-то характером! — Цзиньюнь подался вперед и понизил голос: — Признавайся, твоя семья капец какая богатая? Папке с мамкой на тебя плевать, вот ты и творишь что

хочешь, да?

От этой внезапной близости Гухань уловил тонкий, едва ощутимый аромат, исходящий от кожи Цзиньюня — сладковатый, точно медовый. Ему непременно захотелось попробовать его на вкус.

— Эй, я угадал, что ли? — приняв его молчание за знак согласия, ухмыльнулся Е Цзиньюнь.

— Моя семья... действительно весьма богата, — кивнул Гухань, вспомнив величественный Дворец Тайхэ и сокровища, накопленные поколениями владык Демонического дворца.

— Ну еще бы, — со смесью зависти и восхищения протянул Цзиньюнь. — Куда уж нам, простым смертным, до таких барских замашек!

— Бывает, — невозмутимо отозвался Гухань.

Цзиньюню на секунду страшно захотелось прописать новенькому в тыкву — и вовсе не из классовой ненависти!

Тем временем классный руководитель, сделавший добрый десяток безуспешных звонков, окончательно потерял терпение. Развернувшись, он строго спросил:

— Почему твои родители не берут трубку?

— Они умерли. Я один.

Эти слова разорвались в коридоре подобно грому среди ясного неба. Вся спесь и раздражение с учителя Хуана мигом слетели, уступив место жгучему стыду и вине.

— Ты... ты только перевелся, я не знал твоих обстоятельств... — залепетал он, сгорая от самоедства. — Извини, я...

— Ничего страшного, — все так же спокойно ответил Гухань.

Чем равнодушнее держался парень, тем сильнее терзался учитель. Он пытался подобрать утешительные слова, пока снова не прозвенел звонок.

Вернувшись за парту, Е Цзиньюнь слегка задел Гуханя плечом:

— Ну ты даешь! Хорош гон, додуматься же надо — родителей похоронить! Я б такое ляпнул, меня б мать на ремни порезала.

— Они правда умерли, — Гухань посмотрел на застывшее лицо Цзиньюня и добавил: — Очень давно.

— Э... — Цзиньюнь смешался. — Блин, чувак, прости. Я не знал, правда...

— Всё в порядке.

Родители никогда ничего не значили для Гуханя, он о них и не вспоминал.

— Ладно, проехали. Я всё понимаю. — Цзиньюнь с чувством сгреб его в охапку и крепко обнял.

От этого неожиданного объятия и медового аромата сердце Гуханя внезапно пропустило удар. Ему вдруг показалось, что этот иллюзорный мир не так уж и плох. Если станет скучно, можно будет создать себе такой же.

— Короче, если что нужно — обращайся, — по-барски бросил Цзиньюнь.

— Могу я остаться у тебя на ночь? — тут же воспользовался моментом Гухань. — Я только перевелся, мне одиноко.

— Да без базара! Кровать большая, хоть поселись у меня.

Простодушный Цзиньюнь даже не подогревал мысли о том, к чему это может привести.

Сидевший впереди Толстяк тут же обернулся:

— Е-цзы, я тоже хочу! Давайте вместе в комп погормим!

Цзиньюнь закатил глаза чуть ли не до лба:

— Отвали, с твоей тушей на кровати место только для тебя и останется.

— Нечестно! Новенькому можно, а мне нет?! Мы с тобой с детства знакомы! — возмутился Толстяк.

— Кто ж виноват, что у него рожа симпатичнее? Похудеешь — может, и разрешу, — заболтал ногами Цзиньюнь.

— Это дискриминация по весовому признаку! Я протестую!

Переругиваясь с Толстяком, Цзиньюнь окончательно растерял сонливость. Он уставился на доску, рассчитывая хоть как-то убаюкать себя на следующий урок.

— Я симпатичный? — Гухань слегка потянул его за штанину.

Цзиньюнь встретил его взгляд — и снова эта мысль: «В моих глазах только ты».

Мурашки пробежали по коже, а едва зарождавшийся сон смыло окончательно.

— Да ляпнул не подумав, — буркнул он.

Гухань насупился. Неужели в глазах Цзиньюня он недостаточно хорош собой?

— Разве нет? — снова спросил он.

Приблизившись вплоть до того, что на безупречной коже нельзя было разглядеть ни единой поры, Гухань заставил Цзиньюня мысленно выдать: «Едрить твою мать, ну и красавчик...»

Поняв, что спросил немного не то, Гухань уточнил:

— Я тебе нравлюсь?

— Ну, норм, нравится, — отмахнулся Цзиньюнь, не упустив шанса добавить нарциссизма: — Хотя до меня тебе далековато.

Гухань с удовлетворением откинулся на спинку стула. Едва заметная улыбка на его губах выдавала отличное настроение.

<http://bllate.org/book/20642/2119123>